

БЕНЗОЛ

Рассказ

Николай вынырнул из подземного перехода и расчихался. Яркое солнце, приснув в лицо Николая своими лучами, напугало его. Под землей все было понятно: стены, потолок, движущаяся дорожка эскалатора, люди, идущие попутно и навстречу. А когда эскалатор вынес его на поверхность и повез дальше вдоль улицы Балчуг, то все сбилось, все стало слишком сложно. Несовершенное человеческое сознание никак не могло свыкнуться с мыслью об абсолютной безопасности, с тем, что все это движущееся многообразие — накатывающие крупным планом вертолеты, резко перестраивающиеся автомобили и двигающийся посреди всего этого эскалатор — находится под четким контролем системы.

«И я — часть этой системы», — Николай думал об этом с гордостью и обреченностью, со страхом и надеждой. Навстречу на эскалаторе проехали пожилой мужчина в тельняшке и мальчик лет десяти, который крутил головой во все стороны.

«Туристы. Наверно, мальчишка еще не знает своего будущего?» — мелькнула мысль, и Николай вспомнил момент тестирования, этот самый важный момент в жизни каждого человека. Четвертый класс начальной школы. Все четвероклассники по всей стране проходят генеральный тест на уникографе. Сканируются ДНК, особенности мозговой деятельности и нюансы рефлексии. И наконец выносится приговор. Приговор, который определит судьбу. Приговор, который нельзя будет отменить никакими кассациями. Его результатом является пожизненная специализация. Кого-то приговаривали быть архитектором, кого-то летчиком. И только если разница в баллах между первым и вторым местами была незначительна, подростку давалась возможность выбрать свою судьбу. Николаю было вынесено решение, что он будет химиком с уклоном в биологию. Он стал генетиком. На втором месте в списке профессий был политик, который уступал химику. Бесхитрость Николая сделала разрыв критическим. Вся процедура пронеслась в голове Николая, пока он смотрел на проезжающего мимо него мальчика, а подняв взгляд на его дедушку, он вспомнил о собственном деде, который был капитаном. Николай как-то полез к нему:

— Почему у тебя нет трубки и бороды, какой ты капитан?

— Ну знаешь, Коля, у меня и попугая на плече нет. Сейчас десантники тоже не с мечами бегают. Давай я тебя лучше узлы научу вязать, может, пригодится, — парировал дед.

— Зачем мне? Я химией занимаюсь. Нам велено формулы изучать, — сдерживал свое внутреннее любопытство Николай.

Михаил Борисович Стригин родился в г. Сарапуле (Удмуртия) в 1969 году. Окончил Южно-Уральский государственный университет. Кандидат физико-математических наук. Публиковался в литературных альманахах «Светунец» и «Звездный голос», в журналах «Нижний Новгород», «За-За», «Молоко», в сборниках и в ряде научных изданий. Автор двух книг стихов, лауреат ряда областных премий. Живет в г. Челябинске.

— Вот и я про то же. Давай покажу, как сложные молекулы в булинь сворачиваются. Есть целый раздел математики про узлы, — не отставал дед.

— Да ну тебя. Где узлы и где математика? — отмахнулся Николай, скрыв свой интерес.

Дед вновь пропадал на полгода, а Николай усердно штудировал учебники, изучая митохондрии и лейкоциты.

«Я стану генетиком. Буду синтезировать справедливых и честных людей. Система — это здорово! Уже несколько лет я не слышал ни о каких авариях, все предугадывается и предвосхищается. Но... со стороны я похож на муравья. Может ли муравей что-то сказать о своей жизни? У меня запротоколирован весь день. Я знаю, что произойдет через год, через три, через пять! Это что, и есть жизнь?» — ужаснулся Николай и чуть не проехал мимо кафе «Старбакс» недалеко от Большого Москворецкого моста. Хотя на поверхности скорость уменьшалась, поскольку район считался туристическим и все было рассчитано на гостей столицы, — Николай, сходя с эскалатора, сбился с шага и чуть не растянулся перед входом в кафе, где стояла табличка: «Открывайте дверь по старинке!»

Сканер, приводящий дверь в движение, беспомощно глядел Николаю в лицо своим белесым глазом, как бы извиняясь перед ним за то, что придется приложить физическую силу. Николай с трудом распахнул входные двери и попал в трюм кафе. Дом, в котором оно располагалось, напоминал пятипалубный пароход. Но перепад давлений был скорее как на подводной лодке. Дверь жестко, металлической ручкой в бок, втокнула Николая внутрь, будто говоря: «Не надо стесняться».

Николай оглянулся и тихонько чертыхнулся:

— Давно аварий не было, — вытяжная вентиляция на кухне кафе выбрасывала кофейные ароматы на улицу, создавая разряжение и забирая плотный, резиновый, воздух снаружи. За бортом стоял безветренный июльский вечер. В горле города першило от пыли, поднятой автомобилями и перемешанной с выхлопами. Но посетители не замечали этого: в кафе воздух охлаждался и лицемерно обдувал их, создавая иллюзию комфорта. Они на самом деле вообще мало что замечали. Основная жизнь циркулировала в виртуале, и она была гораздо плотнее московского воздуха.

Картина, которая предстала перед Николаем, напомнила ему конвейер, а посетители — заготовки, которые в процессе обсуждения планов, заключения контрактов и поедания пищи обрабатывались и превращались в необходимые обществу вещи.

«Я тоже заготовка, но конвейер важнее любви», — отмахнувшись от чего-то, подытожил Николай, стряхнул наваждение и вошел в зал. Девушка, судя по пустой тарелке, проходившая финишную обработку, смерила Николая взглядом и, не обнаружив ничего особо выдающегося, вновь вернулась к своей виртуальной подруге, сидящей на виртуальном стадионе в новом платье, меняющем цвет от хлопка рук.

«Ну и ладно, мне все равно», — отвернулся Николай. Он хотя и был почти метр девяносто, но выглядел рыхло и не давал повода для иллюзий.

Отвернувшись, он напугался, выпав в большое помещение: при помощи огромного зеркала зал резко расширился, и там Николай обнаружил себя, круглолицего брюнета с печально-улыбчивыми глазами. Его массивность маскировала собственный возраст, ему давали от двадцати до тридцати лет. На самом деле он только что окончил химфак МГУ, и ему исполнилось двадцать три. Взгляд скользнул вниз, обнаружив мешковатые джинсы: последний раз в магазине не оказалось его размера, и Николай, понимая, что не скоро соберется туда вновь, купил брюки на два размера больше.

— Такие невероятно большие брюки, наверно, носят боги?

— Скоро все будут такими богами. В нашем здании открыли «Макдоналдс», — опустила Николая с Олимпа продавщица.

Геометрия пространства кафе и расположение столов напоминали о конвейере: пришел, поел, иди дальше. Роботы-официанты моментально приберут рабочее место, подготавливая станок к новой заготовке — к новому посетителю.

«Квадратные столы, квадратная посуда, квадратные проходы, квадратная одежда, квадратная жизнь — все технологично», — думал Николай, проходя через зал. Делая очередной шаг, он почувствовал угрозу: один из светящихся квадратов в полу, которые обозначали траекторию движения роботов-официантов, был темным. Видимо, перегорела лампа. Николай дернулся и аккуратно перешагнул потенциальную опасность.

Уже в конце зала он обнаружил своего друга — физика Вениамина, спрятавшегося в темном закутке. Тот создал целую армию каких-то существ из салфеток и разворачивал между ними военную баталию. Николай с размаху сел в кресло, как будто весил не более семидесяти килограммов. Кресло выпустило воздух и успокоилось, смирившись со своей судьбой. Николай хлопнул приятеля по ладони и продекламировал:

— Все знаки Бога налицо, скрутила жизнь бензол в кольцо.

— Привет! Спасибо, что не забываешь! — улыбнулся Вениамин, уронив под стол уродца, напоминающего лягушку с треугольной головой.

Пока Вениамин выныривал из-под стола, Николай начал делиться впечатлениями:

— Привет! Никак не сделают замедлитель эскалатора напротив входа, уже несколько раз писали об этом на форуме. Я чуть не упал, когда сходил с дорожки. А еще мне сейчас вместо кафе представился производственный цех и станки...

— Ага. Мужики в робах и женщины в халатах. Так было раньше. Теперь в цехах чистота, только убаюкивающий шум подшипников в приводах робота, выдающий присутствие жизни, точнее говоря, нежизни, а еще точнее, нежити, — пытался пошутить Вениамин:

— Что-нибудь еще из моего помнишь?

— Идет на вечный бой иммунитет, из антител несет с собой кастет, — процитировал Николай.

— Это из раннего. Я давно не пишу так грубо. Сейчас бы написал так: лабает джаз на ДНК иммунитет, с мелодией не справился квартет... Ну ладно, хватит псевдопоэзии, как дела? — спросил Вениамин, дружески взяв Николая за запястье. Хотя он и был худощавым, но его руки обладали необычайной силой. В институте он побеждал в армрестлинге. Такой же высокий, как и Николай, голубоглазый шатен. Края губ немного поджаты в ироничной улыбке.

— В общем, норм, но не могу избавиться от ощущения, что не принадлежу себе. Были случаи, когда я смотрел на свою руку, держащую стакан или ложку, и мне казалось, что реальная рука в это время висит вдоль тела или лежит на колене. А то, что в воздухе передо мной, это что-то чужое, на что я могу влиять только незначительно, и оно изучает меня. Я смотрю на свою руку, а она смотрит на меня. Ощущение жуткое. А вдруг она вцепится мне в горло? И сны! Мне приснилось, что я клетка в каком-то гигантском организме, и у меня со всех сторон другие клетки — справа и слева, снизу и сверху, и я пытаюсь выглянуть из-за них, и на какое-то мгновение у меня это получается. И то, что я вижу, сковывает меня экзистенциальным ужасом — во всех направлениях, сколько взгляда хватает, такие же клетки. Я начинаю задыхаться! Наверно, это клаустрофобия, — подытожил Николай, опустив одного из салфетных чудищ в нагрудный карман, и подергал его, изображая страх.

— Да нет, друг мой. То, чем ты занимаешься, — химия и биология, — это социализация физики. Физика изучает индивидуальное. Когда объектов больше чем два, она

поднимает лапки кверху и говорит, что это не ее. В отличие от этого биология и химия изучают статистический аспект в природе, изучают социализацию индивидуального. Могу поспорить, что на втором месте в контрольном списке, когда ты в школе проходил генеральный тест, был политик, — прищурил глаза Вениамин.

— Откуда ты знаешь? — удивился Николай.

— Откуда? Из Бермуда, — срифмовал Вениамин. — Как ни странно, но это близкие области: химия и политика. Политик всегда в кольце друзей или врагов, и это не важно, но он всегда в кольце. В моем генеральном тесте на втором месте был поэт. Поэзия подобно физике изучает уникальное в природе, а потом обобщает это и передает на вооружение политикам, — Вениамин вдруг замолчал, видимо задумавшись о чем-то.

«Не знаю, кто я? Но именно химия преследует меня не только наяву, но и во сне. Может, я изменяюсь? Может, во мне что-то запускается новое прямо сейчас?» — подумал Николай и заметил неосторожный взгляд рыженькой девушки, сидящей за соседним столиком слева. Он только сейчас обратил внимание на ее яркое черно-желтое платье. В ее глазах скользнул огонек, и тень улыбки пробежала по губам. Она пригубила капучино, надела очки и вновь углубилась в экран. На них появилась текстура монитора — очки ретранслировали изображение. В следующий момент сквозь него проявились глаза — девушка тоже подсматривала за Николаем, меняя яркость в линзах очков. И вдруг они забликовали, распавшись на тысячи пикселей: какой-то сбой произошел в программе гаджета. Девушка засуетилась, пытаясь выйти из неловкого положения.

— Коля, Коля, — дергал Вениамин Николая за руку. — Я тут задумался. Я хоть и изучаю что-то индивидуальное, а все равно, как твоя клетка в организме, нахожусь внутри, — послышался вновь приятный баритон Вениамина.

— А в твоем списке основных профессий певца не было? Тебе бы в оперетту, — решил пошутить Николай, демонстративно схватив ложку, словно микрофон, и изображая певца.

— Не было. Был киллер. Будешь мешать мыслить, ликвидирую. Я тут подумал о том, что коллективное неминуемо образует индивидуальное. Что такое группа клеток? Это симбиоз. Они помогают друг другу кормиться, выживать. Группа всегда экономичнее, чем каждый по отдельности. И теперь главная мысль о переходе количества в качество. Когда количество участников в коллективе превышает определенное число, он становится из просто набора чем-то целым. Очень интересно, когда мозг стал мыслящим? И сколько должно собраться вместе людей, чтобы превратится во что-то большее, чем просто социум?

— Но в мозге слона больше клеток, чем у нас, а он не разумен! — сразил Николай.

— Умница! Но дело в том, что важно не количество самих клеток, а количество связей между ними. Представь, даже если бы клеток было всего сто, то связей между ними можно выстроить столько же, сколько звезд на небе. И этим мозг человека отличается от слоньего, у него связей гораздо больше. Возвращаясь к социуму, можно сказать, что он станет разумным, когда каждый человек будет включен в максимальное количество связей, или, иначе, социальных структур, — парировал Вениамин.

Скрытый динамик под столом произнес:

— Сделайте заказ, пожалуйста.

Одновременно с этим появилась дублирующая надпись на столе. Столешница была большим монитором, надписи высвечивались каждому посетителю индивидуально. Электронный, но приятный голос продолжил:

— Для выбора используйте джойстик, встроенный в торец стола, меню будет отображаться на экране слева.

— Может, по капле? — спросил Вениамин, прищурясь.

— Ты что? Если узнают, что нам еще нет двадцати пяти, то дисквалификация неминуема. Это на три года назад. И снова корячиться лаборантом, — лицо Николая передернуло от возможного исхода.

— Я с собой принес. Никто не узнает. Добавим прямо в кофе, — соблазнял физик.

— Нет. Опять ходить в зеленом халате. Это ужасно, — не сдавался Николай.

Он вновь заметил улыбку, скользнувшую по веснушчатому лицу рыженькой девушки. Ее, видимо, насмешила гримаса, возникшая на лице Николая: оно стало зеленоватым от испуга, в тон с представленным халатом. Николай смутился и попытался тоже улыбнуться. Но получилось так, будто он передразнил девушку. Она снова надела очки и ушла в виртуальный мир. Николай вытащил салфетное чудище из кармана, достал из смартфона многоцветную ручку и пририсовал ему очки, а потом выкрасил тело в черно-желтый цвет.

Вениамин продолжал:

— Как знаешь. Я заказываю гречку с бифштексом и капучино. Здесь вкусная гречневая каша. Так вот, я продолжу. Жизнь людей — это симбиоз и паразитизм. Кто-то впрямую паразитирует на другом, кто-то занимается плагиатом. Если представить, что общество людей подобно обществу клеток, то можно прийти к нехитрой мысли: когда количество социальных структур превысит некое число, наш социум и вся Земля станут мыслящими! Представь скоординированную мысль, бегущую по тысячам или миллионам человек, очищенную от субъективности и доведенную до гениальности. Уф, — выдохнул Вениамин, сам удивившись своей тираде.

— Слушай, слушай! А что такое ствольные клетки в твоей метафоре, они же могут приобрести любую специализацию и податься хоть в политики, хоть в музыканты, — перебил Николай.

— А это те, кто может себе позволить каплю виски и выйти из своих пределов, — усмехнулся Вениамин и продолжил: — У нас в классе был мальчишка, тест которого привел в замешательство комиссию: у него на несколько специализаций баллы были примерно одинаковы. Он мог стать кем угодно. И тут есть еще одна важная мысль! Все клетки делятся на две существенно разные половины. Первая — из твоего сна, где, куда ни глянь, в окружении любой клетки или человека, находятся другие, и так кажется бесконечно. И вторая половина, пограничные клетки или опять же люди-пограничники, которые взаимодействуют с внешней средой и где что-то постоянно меняется и в этом есть какая-то ствольность, они подстраиваются под эти изменения, — рассказывал, увлекаясь, Вениамин.

— Да... А у меня ничего не происходит, — снова перебил Николай, но не успел он договорить, как резкий металлический звон резанул по ушам. Николай инстинктивно пригнулся и опасливо посмотрел в сторону. Там ребенок лет шести выронил стальной игрушечный танк, который ударился о подножку стола. Николай перевел взгляд вправо на рыженькую девушку — она снова скользнула по нему улыбкой и отвернулась. Он тоже смирил свое любопытство и всмотрелся в меню.

— А я закажу салат с протеинами и морс. Пытаюсь похудеть, начал каждое утро плавать. У нас дома ванна с противотоком, — нервно проговорил Николай.

Вдруг мужчина средних лет позади Николая зашелся сильным кашлем и не мог долго остановиться. Николай брезгливо оглянулся.

— На дворе июль, вот бедолага... Замечаешь, что вирусы стали прилипчивее. Наша кожа только покрывается защитным слоем, как мы давай стирать его разными шампунями. Горло тоже оголяем полосканиями. Это как раньше, между странами была нейтральная территория, где можно было скомпенсировать политические неразберихи. Земля

дорогая, нейтральную территорию разделили, теперь пограничники стоят лицом к лицу, так и вирус соприкасается с оголенной поверхностью кожи, — пошутил Николай.

— Шутки шутками, а ты сечешь в корень. Границ, правда, между государствами, осталось немного. Прав был Джордж Оруэлл, сожрали большие страны своих мелких соседей. А если говорить про ствольные клетки, то они подобны шпионам, они адаптируются под любые внешние условия, — продолжил шутку Вениамин.

— Кстати, моя специализация в аспирантуре — зрение. Представляешь, Веня, рецепторы в зрачках, которые поглощают свет и переправляют эту информацию в головной мозг, обнаружили в простейших, которые гораздо древнее человека. И те поглощают свет не для познания окружающего мира, а примитивно, для того, чтобы кушать. Новый симбиоз сменил специализацию фермента.

В этот момент подкатил робот-официант и привез заказ.

— А не ствольные, специализированные клетки, которые случайно, по воле судьбы, оказываются на границе, чаще всего погибают, — задумчиво выдал Вениамин.

Пока он произносил слово «погибают», воздух сгустился, и непонятная дрожь прошла по полу. Что бы это могло быть? — у Николая не было ни единого предположения. Метро в этом месте Москвы очень глубоко, да и сейчас поезда бесшумно движутся на пневмоподушке. Состояние тревоги усилилось. Николай огляделся, пытаясь найти ее источник. «Это уже не игрушки», — вздрогнул он. На улице все еще было светло, и прохожие шли не торопясь. Вдруг резкий толчок подбросил посетителей кафе в воздух. Плита пола начала проваливаться вниз, вырывая арматуру, сшивающую здание. Пятипалубный пароход получил мощную бортовую пробоину. Оголилась часть подвала, и было видно, как земля в нем проваливалась все глубже и глубже. Скрежет кромсал пространство и рвал его. Николай вместе со стулом приземлился и начал скатываться под уклон, но в этот момент чья-то рука выхватила его со стула и остановила. Мимо, накренившись, с невыразимой надменностью в фотодатчиках просквозил робот-официант. Небьющаяся посуда билась с глухим звоном, и ее осколки безнадежно скатывались вниз. Этот звон, как набат, извещал о том, что привычный мир рушится. Светящиеся квадраты исказились и начали искрить, замкнувшись в своем непонимании происходящего. Николай резко посмотрел вверх и увидел обескураженное лицо Вениамина, который держал его за руку. Стул с лязгом укатился. Резкий визг заставил его перевести взгляд вправо, и он увидел, как черно-рыжее пятно движется под уклон плиты. Пыль стояла столбом. Девушка скатывалась на спине и руками пыталась ухватиться за что-нибудь. Когда она должна была уже свалиться с плиты в черную, непонятной глубины яму, зев, раскрытый зданием, ее рука нащупала арматуру и ухватилась за нее. Но одновременно с этим колонна, подпирающая балкон, где был расположен второй свет торгового зала, обрушилась, сотрясая плиту, на которой они втроем находились. Девушка не удержалась, скатилась дальше и повисла на руках. Вениамин что-то кричал Николаю. Тот наконец сосредоточился и расслышал:

— Найди веревку, а я скачусь к девушке. Вытащишь нас по очереди. Я пошел.

Он, присев, на ногах скатился вниз. Сумел в конце задержаться, ухватившись одной рукой за арматуру. Николай как зачарованный смотрел на это действие. Вениамин схватил второй рукой девушку за шиворот и крикнул Николаю:

— Быстрее!

Николай пришел в себя и дернулся к барной стойке. Подбежав, он визгливо закричал:

— Есть кто?

Администратор вылез откуда-то снизу.

— Есть что-то типа веревки, может, штора? — навис Николай.

— Есть электрический удлинитель, но он короткий. Можно нарастить его барным стулом.

— А что произошло? — спросил, озираясь, Николай, пока тот искал удлинитель.

— Сам ничего не понимаю. Может, теракт, — промямлил тот, скукожившись: в этот момент на пол упал кусок штукатурки и поднял облако пыли.

Несколько посетителей прижалось к витражному стеклу, боясь оторваться и ожидая, что еще произойдет. Их путь к выходу тоже был отрезан провалом в полу. Они потихоньку вдоль окна семенили вбок в сторону бара. За окном был все тот же жаркий июльский вечер. Фасадная стена удержалась, но люди за окном уже начали стягиваться к зданию — видимо, скрежет разнесся по улице. Снаружи вряд ли что-то было возможно разглядеть: пыль серебрилась на солнце, не позволяя заглянуть дальше двух метров.

Николай подскочил к краю провала. Вениамин, скрючившись, держался одной рукой за куски арматуры, а другой страховал девушку. Николай накинуд кабель на перекладину между ножками и завязал на два узла свободный конец.

— Ловите, — крикнул он и, ухватив стул за спинку, бросил вниз второй конец кабеля.

— Наташа, перехватывайтесь! — крикнул Вениамин, перекрикивая девушку. Он уже успел выяснить ее имя. Она, не прекращая визжать, перехватила кабель и, вцепившись в него двумя руками, потянула на себя. Вениамин подталкивал ее сбоку. Николай что было силы потянул стул вверх, через какое-то время подхватил кабель и вытащил девушку на горизонтальный участок. На счастье, она оказалась легкой.

— Лови, — крикнул Николай другу и вновь схватился за спинку стула. Девушка вцепилась в ту же спинку и помогала тащить. Веня ловко перехватился за кабель и, встав на ноги, потихоньку начал подтягиваться кверху. Когда он дошел до середины, Наташа вдруг громко закричала, указывая на место, где кабель был привязан к перемычке стула. Узел начал развязываться, и свободный конец становился все короче. Николай быстро потянул стул вверх, чтобы перехватить кабель. Он схватил левой рукой перемычку стула и уже занес руку над кабелем, как тот соскользнул с перекладины, Вениамин потерял равновесие и начал падать спиной вниз. Наташа и девушки, стоящие сбоку, завизжали. По пути Вениамин зацепился брючным ремнем за арматуру — это задержало его на доли секунды. Со звоном отлетела пряжка ремня. Через секунду он пропал в темноте подземелья.

Николай оцепенел со стулом в руках, переведя взгляд от зияющей, поглотившей его друга бездны, на перекладину, где недавно был завязан узел провода. Наташа быстрее пришла в себя и потащила стул в сторону, пытаясь вывести Николая из транса. Наконец тот разжал руки и выпустил стул.

«Давай я лучше узлы научу тебя вязать, может пригодиться», — эхом звучало в голове Николая.

Входная дверь распахнулась, и в кафе вбежали пожарные, за ними вкатился робот-спасатель. Они быстро перебросили лестницу через провал в полу и помогли перейти заблокированным посетителям. Наташа закричала им, что вниз упал человек. Закрепившись на пластиковом армированном тросе, робот начал съезжать вниз. Но Николай не видел этого, он стоял и смотрел на перекладину стула. Тогда Наташа взяла Николая за руку и вывела его на раскаленную улицу.

— Я оказался на границе, я специализированная клетка, это я должен был погибнуть, — бредил Николай. Людей около «Старбакса» было уже множество, полицейские оцепили полукругом фасад здания и не пускали их ко входу. Чужое горе влекло людей, и на лицах читалось: «Как хорошо, что меня там не оказалось».

Когда они уже вышли из человеческого кольца, к Наталье метнулся человек в штатском и начал задавать уточняющие вопросы о происшествии. Наталья дала ему визитку сотрудника Аэрофлота, попросив не задерживать их и сославшись на тяжелое состояние Николая.

— Хорошо. Мы просмотрели камеры видеонаблюдения, и к вам нет вопросов. Тут многое ясно. Непонятны только причины. Если вы нам понадобится, мы вас известим, — отпустил их подошедший.

Начали подходить какие-то люди, что-то спрашивать, но Наташа сумела отмахнуться и от них, привела Николая в ближайшее кафе, усадила за столик и попыталась разговаривать. Но Николай все говорил про какой-то булинь. Тогда она откинулась на спинку кресла и разрыдалась. Напряжение последнего часа начало отпускать ее. Николай очнулся, вынырнув из прострации, и смог членораздельно произнести:

— Бензольное кольцо порвалось! Назад возврата нет! Я должен научиться вязать булинь. Я должен стать моряком. Я всегда хотел им стать. У нас в стране это невозможно. Мне не дадут. Я должен перебраться за границу. Я поеду на Черное море и как-нибудь уплыву из этой страны. Я ненавижу химию. Японцы вроде научились перепрограммировать клетки человека. Теперь они могут делать из клеток кожи любые клетки, например клетки печени. И я тоже смогу перепрограммироваться.

— Конечно, конечно, у тебя все получится, — сквозь слезы, говорила Наташа.

— Но я один! И против меня вся система. Это бесполезно. Она все равно меня обнаружит. Мне кто-то должен помочь. Из друзей кто-то вряд ли. Они все внутренние клетки. Лаборатория, обед, сон, лаборатория. Мне страшно, — продолжил бредить Николай. — Может, ты поедешь со мной? — прервал себя Николай, обратив внимание на девушку.

— Ты о чем? Я не понимаю тебя.

— Я про то, что я решил изменить приговор генерального теста и стать моряком, но для этого мне нужно сбежать из этой страны, а один я это вряд ли смогу, мне нужен кто-то, кто поможет, — зачитал свой вердикт Николай.

— Не знаю. Очень неожиданно. Хотя я тоже что-нибудь бы поменяла. Меня угнетает эта четкость линий. Можно попробовать. Тебя все равно оставлять нельзя... Я туда и сразу обратно, — задумчиво закончила Наташа.

Николай, никак не отреагировав на последнее замечание, снял часы, расплыл визуальметр в воздухе и направил на него луч проектора из часов. Через секунду объемное изображение было сформировано. Николай активировал поисковик:

— Трагедия в «Старбаксе», — и на визуальметре появился новостной канал. Изображение было не очень качественным, то ли жидкость просрочена, то ли модель часов уже устарела, но голос был четким:

— Сегодня часть здания на улице Балчуг в результате трагического случая, ушла под землю. Это произошло в результате подмыва фундамента подземным притоком Москвы-реки. В результате трагедии погиб мужчина, Нечаев Вениамин Степанович. При падении он ударился головой о бетонный обломок. Другой участник трагедии Коротков Николай Исакиевич проявил мужество и спас девушку, вытащив ее из каменной ловушки. Специальная комиссия занимается расследованием халатности, допущенной коммунальной службой. Принято экстренное решение провести экспертизу всех зданий, под которыми протекают эта и другие подземные реки, — Николай выключил трансляцию и замер.

— Вот, Веня, а я говорил, что ничего не происходит... Да, блин, теракт... Всю эту сложнейшую, напичканную электроникой систему государства нарушил какой-то маленький подземный приток Москвы-реки.

— А ты стал героем!

— Это не я. Это Вениамин герой! Это он тебя спас!

— Нет! Это ты спас! А то, что произошло с узлом, — это несчастный случай.

Николай завязал салфетку узлом и сильно дернул за края, порвав ее.

— Предлагаю поездом добраться до Новороссийска, а там «как карта ляжет». В поезде легче затеряться. У меня в Новороссийске прадед служил. Это город-герой. Всегда хотел там побывать, но все времени не хватало. Теперь его много, торопиться некуда, — обнулится Николай.

— Системе, Коля, без разницы самолет или город, хоть вся земля. Нас обнаружат везде. Поездом так поездом, я никогда не ездила на поезде.

Николай вдруг вскрикнул:

— Мама! Как же я про нее забыл! Как ей все это рассказать. Хотя, наверно, она будет довольна, — Николай вскочил и заходил кругами. — Она была против специализации человека с раннего возраста. Мама говорит, что люди со своими тестами против Бога идут, будущее навязывают. Бог — это свобода при кажущихся ограничениях. Но эти ограничения нужны, чтобы человек свои рамки видел, свои возможности. Без них как в пустом пространстве, как в чистом поле нет привязок к местности. В лесу гораздо проще ориентироваться. Здесь муравейник, там сломанная береза.

— Коля, при чем тут Бог, она же тебя может потерять? Подумай об этом.

— Я позвоню ей по пути домой.

* * *

Николай с Наташей договорились о том, что встречаются через три часа на Казанском вокзале, и пошли на выход из кафе. Но не успел Николай открыть дверь, как телефон тревожно зазвонил.

— Мама, — сказал Николай и в испуге остановился. Она опередила его. Как оказалось, ей рассказали о случившемся коллеги. Выслушав сына, она подытожила:

— Я приеду на вокзал, там закончим разговор.

Николай по пути в свою съемную квартирку на улице Косыгина позвонил в лабораторию химфака МГУ, где он работал старшим научным сотрудником, и взял отпуск за свой счет. Квартира, где он жил, была неказистой, зато находилась близко к университету. Сборы не заняли много времени — теплая июльская погода и презрение к одежде сделали свое дело. Это презрение, как и презрение ко всему мирскому, выработалось у Николая под воздействием мамы. Некоторые друзья называли это леностью.

Николай вызвал вертолет-такси, решил напоследок посмотреть на Москву сверху — метро, как бы его ни модернизировали, оставалось метро. Поднявшись над Москвой и обозрев ее сверху, он подумал о том, что человек — странное существо: чем шире его возможности, тем в более узкие, специализированные рамки он себя загоняет. И поднимается он наверх, только чтобы удивиться, и тут же спускается обратно в свою, а может быть, чужую жизнь.

«Но в жизнь Вениамина уже окунуться не получится», — резануло Николая. Он осознавал, что многие гримасы, жесты, ухмылки Вениамина и, особенно, поговорки навсегда останутся с ним и будут вечно напоминать о друге.

Приземлившись на крыше Казанского вокзала, вертолет улетел на следующий заказ, а Николай отправился в высотную кофейню рядом, где можно было посмотреть с высоты птичьего полета на площадь «Трех вокзалов» и подождать маму и Наталью.

Девушка появилась через десять минут. Николай впервые присмотрелся к ней — это была стройная высокая шатенка.

«Настоящая стюардесса! А откуда я это знаю?» — удивился себе Николай, широко раскрыв глаза. Он с необычным для себя чувством наблюдал за идущей девушкой. События в «Старбаксе» как будто бы открыли какие-то узловые шлюзы в его чувствах.

Схемы, протоколы, графики ожили. Раньше он не позволял себе так откровенно рассматривать женщин. Наташа ответила печальной улыбкой и села рядом.

— Мама! — вырвалось у Николая. К столу быстро подбежала женщина лет пятидесяти, в старомодном платье, невысокого роста, что выглядело диссонансом по отношению к Николаю.

— Сынок.

Николай подскочил. Они обнялись. Николай представил Наташу и маму друг другу и рассказал в подробностях о происшествии.

— Объясни мне, что ты собрался делать? Ну каким моряком? Ты же ничего, кроме книг и своих химреактивов, не видел в жизни. Ты же химию любишь? Я очень удивилась, когда узнала, что возле тебя девушка, — забрасывала мама Николая.

— Мама, это было раньше. А в последнее время что-то произошло. Причем это готовилось где-то внутри. Как будто сегодняшнее событие, подобно лавине, снесло какие-то заслоны. Вениамин, тот любил физику беззаветно. А кто такой я?.. Я не знаю. Я должен это узнать, а здесь мне не дадут. Я хочу научиться вязать узлы, — перебивал сам себя Николай.

— Коля, это твоя жизнь, — вцепилась мать в руку Николая. — Я понимаю тебя. И отпускаю. Будь осторожен. Наташа, он спас вас, а вы спасите его. Я отпускаю его только потому, что вы рядом с ним. Я знаю, что вы не сможете его бросить. Он совсем ребенок, — разрыдалась она.

— Я изменился, — ответил юноша.

— Чтобы измениться, нужны годы, нужны навыки, — как будто сама себе сказала мама.

Наташа взяла руку женщины:

— Я буду рядом. Пока это возможно.

* * *

Через два часа он и Наташа ехали на скоростном поезде в Новороссийск. Точнее, не ехали, а плыли. Поезд использовал вместо воздушной подушки сверхпроводящий состав, благодаря чему он не испытывал трения с дорогой. Этот состав выталкивал поезд вверх, и казалось, что он парит над землей. Николай впервые отправился так далеко на поезде и пытался проанализировать свои ощущения от железнодорожного приключения. Ему казалось, что то, что описывала мама, было как-то по-другому. Поля, леса, овраги, реки были теми же, мимо которых проезжали на электропоездах пятьдесят лет назад, но их восприятие изменилось. Подобно скоротчению, где улавливается только общий смысл, скорость около пятисот километров в час не позволяла разглядеть детали, а в городах, встречающихся по пути, которые в прежнее время вносили существенный вклад в оценку путешествия, поезд теперь не останавливался. Он проезжал их в глубоком тоннеле, что занимало всего пару минут. На темные окна в это время транслировали кадры с последними успехами РЖД. Весь путь до Новороссийска занимал около трех часов. Купе вагона блестело новизной, обшивка из стекла и пластика были мягкими на ощупь и создавали ощущение комфорта и безопасности. Николай взял пульт и выбрал режим «альпийского луга», после чего тонкие ароматы эдельвейса и мака затопили купе. Уже несколько лет темы тактильных ощущений и запахов активно заполняли рекламу. Везде предлагали что-то такое на ощупь с ароматом чего-то, начиная от одежды и заканчивая шариковой ручкой.

— Наташ, а ты чего улыбалась тогда, в «Старбаксе»? — спросил Николай, достав из-под стола пришедший по пневмопроводу ланч и откинувшись на спинку кресла трансформера, которое приобрело точную форму спины.

— Гримасы мне твои понравились, у тебя все эмоции на лице. Такие лица не врут. В отличие от многих, — подытожила Наталья и продолжила: — Все говорят: тебе это нужно, тебе то нужно. А сами понимают, что это может быть не так. Но бояться даже себе в этом признаться. Все должно быть в порядке. Беспорядка бояться как огня. У меня ведь та же проблема. Генеральный тест показал, что я должна быть стюардессой. Да, я люблю путешествовать, но, может, из меня геолог бы получился. А в самолете мы мира не видим... А изменить что-либо я уже не могу. Всевышний тест... Отпуск мне дали легко, когда узнали, что произошло, на целых две недели, чтоб нервы успокоила: стюардесса должна быть уравновешена, — подытожила Наталья.

— А ты красивая и эмоциональная... — вдруг сказал Николай и, испугавшись сам себя, начал быстро жевать, чтобы заполнить неловкую паузу. Еда, пришедшая по пневмопроводу, напоминала космическую пищу, она была в желированном виде в баллонах и пакетах.

— Знаешь, Наташ, скоро зубы пропадут как атавизмы, раньше они были нужны, чтобы вгрызаться в жизнь, а теперь система жует все за тебя, — пошутил Николай и достал пакет с орехами. — И еще, к слову, про тест, чего я не понимаю: зародыш живого существа состоит из стволовых клеток, и потом генетическая программа начинает формировать из них различные органы: сердце, печень, легкие. Человек тоже должен быть в детстве готов к любому будущему, тогда появляется всезнающий тест и решает, кому куда. Но ведь тест определяет специализацию на основании данных датчиков. Наверно, генетическая программа тоже не цацкается со стволовыми клетками. Какой-то замкнутый круг.

— Он будет замкнутым, пока нет Бога. Бабушка говорила, что Бог — это иррациональность. И поэтому правила не могут быть всеобщими. Не забывай, что в двадцать три года нас ждет следующий тест, где определяют вторую половину, где тебе определяют жену, а мне мужа. Хотя раньше родители тоже решали вопрос замужества, и я читала, что многие браки были счастливы и это происходило тоже через Бога... Но... Я боюсь даже представить, как это будет, — заключила она и вытянула ноги в «вечных» джинсах.

— Да, мы через месяц собирались с Вениамином проходить этот тест. Месяц, какой-то месяц. Я думал, он будет у меня шафером на свадьбе. Все знаки Бога налицо, скрутила жизнь бензол в кольцо, — с болью выдавил Николай и замолчал уже надолго. Он думал о системе и внесистемности. О том, что мы на самом деле замечаем только внесистемности и только из них состоит жизнь, но они часто бывают болезненные... Похороны дедушки в прошлом году... Николай не поехал на них, у него были экзамены. Система тогда в очередной раз победила. И теперь на полной скорости вместе со всей системой Николай влетел в точку сингулярности смерти Вениамина...

— Ваши билеты, — резкий, как звук тормозов, голос контролера из дверной щели заставил дернуться Николая.

— Пожалуйста, — Наталья включила смартфон и протянула его мужчине лет сорока, всклокоченные, на манер Эйнштейна, волосы которого мешали тому посмотреть на экран, где высвечивался билет. Контролер всей пятерней пальцев забросил густую охапку волос назад и неприятно посмотрел на Николая. Тот послушно протянул свой телефон.

— И что? — странно посмотрев, спросил чиновник.

— Что, что? — не менее странно переспросил Николай.

— У вас здесь указано, что вы брат и сестра. А по документам вы такие же брат и сестра, как я ваш дедушка. Вы же прекрасно знаете, что разнополым пассажирам нельзя ездить в одном купе, вы могли бы сесть в сидячем вагоне, — скрипуче и очень жестко пригвоздил контролер. — Придется вызвать службу охраны.

— Я хотел сделать приятно девушке, у нас сегодня случилось страшное происшествие! Я могу выйти в коридор и там стоять, — извинялся Николай. Он крайне неприлично для себя сжульничал на вокзале, где кассир, не проверив, поверил ему на слово.

— Хорошо, — так же неожиданно согласился чиновник.

Николай надел кроссовки и вышел из купе. Для Натальи все произошло так быстро, что она только в недоумении проводила взглядом обоих вышедших мужчин — с нежностью Николая и ненавистью контролера. Николай подумал, что надо начинать привыкать к трудностям, и встал в коридоре, решив провести там оставшиеся до Новороссийска два часа. Спустя какое-то время Наталья вынесла ему десерт и виновато пожала запястье. Юноша, погруженный перед этим в свои песочные думы, отряхнулся и просветлел.

— Спрашивается, после трех уровней контроля на вокзале зачем еще контролер? Какая бы совершенная система ни была, человек ей не доверяет, — незнакомая, но приятная улыбка скользнула по губам Николая.

Наташа спустя минуту вернулась в купе, чтобы не раздражать контролера.

«И ничего не произошло. Солнце светит. Поезд движется. Я жив. А ведь все могло только что закончиться», — напряжение схлынуло конвульсией и перешло в умиротворение. Николай положил руку на окно, пошевелил пальцами, убедившись в том, что они слушаются его, и сквозь пальцы увидел, как лучи солнца волнами отражались от поля, мимо которого пролетал поезд. Разобрать, что там росло, было невозможно. И это было не нужно, волны света захлестнули Николая, и казалось, что проникли до самой глубины. Из запястья, которого коснулась Наталья, шло тепло, оно сплеталось со светом и вибрировало по всему телу. Миллиарды клеток в его руке чувствовали то же самое, они были заодно с Николаем. Два часа пронеслись как одно мгновение.

* * *

Новороссийск преобразился из крупного портового города времен молодости дедушки в город цветов и виноделия. Если в прошлом грузы доставлялись контейнеровозами, то теперь пневмопроводы, проложенные под морем для этих целей, были быстрее и удобнее. Некоторые из кораблей переделали в музеи двадцатого века. Остались туристические корабли и суда специального назначения, в том числе военные. Но город продолжал жить. Теперь в окрестностях города выращивали цветы, которые вытеснили с рынка России некогда известные голландские розы. Всезнающий тест подбирал теперь в Новороссийск флористов.

Николай и Наташа сняли две соседние комнаты в недорогом отеле. На стойке регистрации они не показали того, что даже знакомы. Комнатки были малюсенькие — кровать при помощи пульта выдвигалась из пола. Если бы она находилась в комнате постоянно, то передвижение от входной двери к окну было бы затруднительно. На следующее утро, во время завтрака, Николай как будто случайно подсел к Наташе и сообщил, что он попытается устроиться на любое судно, а там как Бог даст.

Николай отправился в порт и поднялся на борт пассажирского катера.

— Ваше направление? — был первый вопрос.

Опасения подтвердились, система знала все, и шансов попасть на корабль с навыками смешивания реактивов не было. Он попытался поговорить со шкиперами, чтобы они взяли его на борт тайно, но система работала и здесь — все боялись лишиться баллов и понизиться на несколько профессиональных уровней ниже.

— Неужели ничего не придумать? — пытал Николай матроса в одном из прибрежных кафе. Николай угостил того обедом, и матрос, расчувствовавшись, поделился:

— Попробуй спросить капитана про нелегальные розы, которые мы возим в Сочи. Может, шантаж поможет.

Николай рискнул и спросил. Кулак шкипера моментально прижал его к входной двери.

— Не знаю, какой добрый человек проболтался, но ты — не розы.

Уходя с судна, Николай, вспомнил последнюю встречу с Вениамином, его предложение выпить, вспомнил свой отказ и зеленый халат, который должен был последовать за согласием. Будь на месте капитана Вениамин, он придумал бы что-нибудь.

Наташа все эти дни, пока Николай бродил по порту в поисках решения, купалась, загорала и гуляла в парке цветов. Посетителей там днем, во время жары, было немного. Она впервые видела такое великолепие, здесь были собраны все известные сорта роз. Весь парк гудел так, словно где-то рядом был аэропорт и шел на посадку самолет. Пчелы, не покладая крыльев, заботились о цветах. Вечерами Наташа и Николай улавливались о встрече в кафе, где разыгрывали давно не видевших друг друга и случайно встретившихся друзей. После перепалки с контролером они решили не привлекать внимания и стали аккуратнее в поведении. Им даже нравилась подобная конспирация — Николай подсовывал под дверь записку с адресом очередного кафе.

— Привет, Наташ!

— Коля, это ты?! Сколько лет, сколько зим, — было ежевечерним паролем на встрече друзей. Нечаянные взгляды, легкие касания рук, оговорки и, конечно, интрига — все это добавляло внутреннего трепета в их отношения. Наташа, привыкшая в самолетах к множественному вниманию мужчин, неожиданно для себя сосредоточилась на Николае. Ей, очевидно, нравилось проявлять небольшую, допустимую в этой ситуации заботу о нем. Но не все совпадало: Николай боролся с лишним весом и заказывал мало, Наташа, напротив, любила поесть и даже на ночь не ограничивала себя. Николай был спокойным интеллектуалом, Наталья холерически расплескивалась. Николай после неудачного похода скисал, Наталья вспыхивала, напоминала про разговор с мамой, про необходимость изменений, напоминала про взгляд Вениамина во время падения, и разговор становился неловким.

— Коля, не кисни! Нельзя так быстро сдаваться. Вспомни свой революционный настрой.

Николай вспыхивал, руки не слушались его.

— Я не знаю, Наташ! Я уже обошел почти весь порт. Хоть ищи шлюпку и на ней выходи в открытое море...

Казалось, что Наташа поддержала бы и это решение, жизнь бурлила в ней. В такой момент Николай замыкался, он признавался себе в том, что в смерти Вениамина есть косвенная вина Натальи и она тенью будет стоять между ними всегда. И при этом он не мог быть уверенным в том, что решился бы на такой отчаянный поступок, не будь Наташи. Он мог пожизненно оставаться внутри системы. И даже сейчас, на стартовой линии своего сумасшествия, он понимал, что находится внутри нее. Завтрак каждое утро начинался в одно и то же время, автобусы приходили вовремя, каждый вечер в кафе недалеко от их отеля, один и тот же скрипач играл одну и ту же мелодию. Если раньше это нравилось Николаю, то теперь от близости системы становилось очень страшно. В такие моменты даже в тридцатиградусную жару внутри пробежал холодок.

— Система правильно определила тебя в стюардессы, ну какой ты геолог? — уходил в защиту Николай.

Наташа, почувствовав его состояние, переводила разговор в другую плоскость:

— Тебе подлить еще кипятка?

— Извини. Веня, конечно, был гораздо отвязнее меня, он бы уже давно что-нибудь придумал. Перепрошил бы систему. Он однажды нарисовал нам билеты на финал кубка УЕФА. Машина не распознала поддельный штрих-код.

На пятый день поисков, отчаявшись, Николай забрел на дальний пирс порта и познакомился с рыбаками. Рыбацкий флот тоже переживал упадок: основной улов рыбы добывался огромными беспилотными кораблями. Но некоторые заказы автоматические суда не могли выполнить и тогда обращались к рыбакам. Они указали на пирсе на отдельный катер, команда которого занималась вопросами разведения рыбы, и там мог понадобиться биолог. Николай с надеждой зашел на борт. Множество специального оборудования, незнакомого для Николая, размещалось на корме катера. Николай потрогал сеть, где вместо лески были разноцветные провода.

— Что вам нужно? — резкий, как сигнал клаксона, голос сзади оторвал Николая от изучения снасти.

— Мне сказали, что у вас может быть вакансия для меня, — растерялся Николай.

— У нас много чего есть. Я — Семен Шпак, доктор наук и главный здесь. А вы кто?

— Я — Николай, генетик, неприхотлив, вознаграждение прошу небольшое. И я очень хочу научиться вязать узлы, — добавил Николай и рассказал свою историю.

— А я пытаюсь разводить кальмаров в Черном море, и мне генетик может пригодиться. Я пока возьму тебя как студента на практику, а там посмотрим. Но придется подделывать направление из института. Приходи завтра к восьми утра, — обрадовал капитан. Николай просиял от счастья, колени у него подкосились, и он присел на леер.

— Спокойно. Мечты сбываются. Всегда кока-кола, — пошутил Шпак.

Николай, опьяненный событием, парил. Он вышел из порта и присел в ближайшем кафе. Он победил. Но почему ему так страшно? Вчерашний студент завтра выйдет в открытое море на катере. Никому из его сотрудников такое даже не приснится. Возбуждение накатывало волнами, одновременно накатывал и страх. Когда подошел официант, Николай долго не мог разобраться, что же тот хочет от него, и бросил:

— Позже, пожалуйста.

Мир из небольшой лаборатории, в которой работал Николай, вдруг неимоверно расширился. Он навалился на него, душил и обжигал. То ли это была уличная жара, то ли острота соприкосновения прежнего Николая с новым. Николай, никогда не куривший, подумал о сигарете. Одно дело было заявить о своем решении, бегать в поисках его возможности, и совсем другое — это исполнить его. Хотя Николай активно искал вакансию, но в глубине души он был уверен, что система не даст сбой. Что на самом деле у него ничего не получится. Но система снова позволила нарушить себя. Чувство было очень сложным. Когда Николай поднял руку, он ощутил давнишнее чувство своей отдельности от нее. Рука повернулась, потрогала стол, взяла салфетку, но Николай никак не мог понять, по его ли велению это происходит. Ему вдруг очень захотелось оказаться в своей лаборатории, где все привычно и понятно.

«Может, я пересобираюсь? Может, я все-таки стволовая клетка?» — Николай взгляделся в прохожих, которые, казалось, подсматривали за ним. И в этот момент ему представился Вениамин, как он сел напротив, как он взял своей крепкой рукой его запястье и сказал:

— Я горжусь тобой!

«Нужно поделиться с Наташей», — он встал и, так ничего не заказав, отправился искать девушку.

Она оказалась в номере. Николай подсунул под дверь записку и ретировался в кафе ожидать Наталью.

— Ты весь необычно светишься, — Наталья осталась стоять, забыв про пароль.

— Есть знак Бога. Есть решение. Меня взяли на катер местного университета. Им нужен генетик.

— Ура! Поздравляю! — Наташа перегнулась через стол и поцеловала Николая в щеку. Села от собственного неожиданного поступка и улыбнулась: — Все не зря.

Николай вспыхнул еще больше:

— Я теперь не знаю, как нам быть дальше. Мне сложно будет без тебя. Но и оставаться тебе здесь нет смысла. Как все будет развиваться, я не знаю. Останусь ли я на катере или попробую улизнуть за границу, я пока не знаю. Да и тест на совместимость вряд ли позволил бы нам быть вместе, — Николай с надеждой и ожиданием чего-то смотрел на девушку.

— Не гадайвай. Вернешься, там и решим. Мы с тобой сколько раз уже обошли систему?

На следующее утро Николай с трудом проснулся, прошлый Николай, еще не покинувший настоящего, отказывался собираться. Он делал все, чтобы опоздать. Он ронял вещи на пол, терял деньги, не мог открыть крем для обуви. Преодолев все препятствия, которые чинились собственным прошлым, Николай прибежал к восьми на катер. Семен и еще несколько сотрудников занимались подготовкой оборудования: направляли сети в пластиковые мешки.

— Привет, пойдем в каюту, заполним бумаги, — нейтрально бросил он.

Когда они спускались в трюм, Николай поскользнулся на последней ступеньке и чуть не сбил с ног Семена. Тот очень странно посмотрел на Николая через плечо, но промолчал. Они зашли в каюту, переоборудованную под лабораторию, и там Николай увидел за столом человека, одетого почему-то в костюм.

— Садитесь, Николай Исакиевич, — с издевкой сказал тот.

Николай, осознавая обрушение планов, попятился назад, но сзади появился еще один человек в костюме, прикрыв собою дверь в каюту. Шпак сел сбоку.

— Ну и насмешили вы наших ребят. Неужели вы думали, что можно обойти систему? Генеральный тест — это непреложный закон!

Николай уже в полном понимании того, что его надежды рухнули, сел на спальное место:

«Какой же я осел!» — сжалось все внутри. Он поднял взгляд и встретился им со Шпаком. Тот смотрел ясными глазами, ничуть не смутившись.

— Извини, Николай, я должен был это сделать, и ты на моем месте сделал бы то же самое, — будто речевку, проговорил Шпак.

— Я хотел научиться вязать узлы! — выкрикнул последнее слово Николай, соскочил и всей своей массой обрушился на Семена. Руки цеплялись за воротник, за обшлага куртки. Шпак вяло сопротивлялся. Но точный, профессиональный удар того, кто стоял у двери, вбок обездвижил Николая. Его аккуратно посадили назад и дали стакан воды.

— Николай Исакиевич, ну какие узлы? Открывайте любой справочник по морскому делу и вяжите узлы, сколько влезет. Вы, нам думается, хотели за границу податься. А все остальное — это прикрытие. Вы помните это? — человек за столом включил запись.

— Я должен стать моряком. У нас в стране это невозможно. Мне не дадут. Я должен перебраться за границу. Я поеду на Черное море и как-нибудь уплыву из этой страны.

— Тебе светит пять лет в лагере и лишение всего твоего соцпакета. А теперь ты пройдешь с нами, — продолжил тот, перейдя резко на «ты».

— Я хочу попрощаться со своей девушкой, — Николай отошел от удара и жестко посмотрел на мужчину.

— Николай Исакиевич, какая она ваша девушка? Вы еще тест на совместимость не прошли. А за ранние отношения могут добавить срок.

— У нас нет отношений. Пожалуйста, пусть добавляют. Мне нужно ее увидеть.

— Хорошо.

Это слово «хорошо», предвещающее нарушение системы, уже в третий раз за последнюю неделю передернуло Николая. Он подставил руки, и ему защелкнули наручники...

— Все знаки Бога налицо, скрутила жизнь меня в кольцо, — с этой фразой Николай вошел в номер Наташи, и за ним появился человек, придерживавший его сзади.

Девушка от испуга вскочила и выронила женский журнал.

— Мечты рухнули, Наташ. Но я, пока ехал, осознал вот что: арестованные не проходят теста на совместимость. Я в каком-то смысле теперь свободный. Мы свободны!

— Можете по дороге поговорить. Девушку как соучастницу мы тоже забираем.

— Так вот почему «хорошо». Вы заранее знали, — Николай дернулся к человеку, но тот больно ударил его в плечо. Николай пошатнулся и хотел ответить, но получил порцию электрошока в шею. Система окончательно победила.

Спустя два часа они летели самолетом в Москву. Николай растирал шею и смотрел в иллюминатор.

«Зачем все это было нужно?» — невыносимая усталость накатила, как асфальтоукладчик, и перешла в нудную, тянущую боль, наподобие зубной. Николай сжался от безысходности так, что если бы кто-то посмотрел в его кресло, то, кроме ремней безопасности, не увидел в нем ничего. Недельная усталость и сегодняшняя бессмысленность раздавили, расплющили его. Он никогда не испытывал такой пустоты и разочарования.

«Я потерял Вениамина, подставил Наташу и лишился будущего. А мама, как же мама? Я так подвел ее. Она верила, что я буду ученым», — каждая фраза огромным булыжником падала поверх того, что осталось от Николая. Но человек не может долго терпеть невыносимую боль, она неминуемо скатывается в апатию. В какой-то момент Николай перевел безучастный взгляд вбок от иллюминатора и увидел между передним сиденьем и обшивкой корпуса паутинку и маленького паучка. Он смотрел на него сперва безучастно. Но постепенно мысль о том, что такое маленькое и невзрачное создание может плести паутину на современном сверхзвуковом самолете, начала шириться. И паук вместе с паутиной заполонили весь салон самолета. «Его никто не замечает», — Николай поразился простой, но гениальной мысли:

— Наташ, я все понял! Мы вместе победим! Система распознала во мне инаковость, подобно тому как иммунитет распознает инородную клетку или преобразенную клетку — клетку рака. И это правильно, если бы этого не происходило, то вирус или рак разрушили организм. Эволюция, которая является неотъемлемым свойством природы, должна происходить как-то иначе, чем перерождение одной клетки. Такие неконтролируемые перерождения приводят к революциям в социуме или к раку в организме, когда начинается неограниченное деление под воздействием идеи в социуме или онкогена в организме. И тогда иммунитет жестко реагирует на подобные метаморфозы. Изменения должны происходить по-другому, цельно, во всем организме сразу, тогда это не будет приводить к его гибели. Необходимо, чтобы именно правительство, как и управляющие клетки, желали изменений. Ведь мозг человека заботится обо всем организме одинаково, перед ним все равны: и руки, и ноги, и голова. И он действует, стараясь улучшить их существование, — Николай запнулся, посмотрел на свою руку, вспомнив про ее недавнюю отдельность от него.

«Нет, это прошло, это моя рука. И я, это весь я!»

— Я не знаю, о чем ты, Коль, говоришь, но я подумала, что ведь и я теперь не буду тест проходить. Может, все к лучшему? — оторвалась от своих раздумий Наташа.

— Я говорю о том, что когда-то и в нашей стране произойдет качественный скачок, и она преобразится, подобно человеку, вырвавшемуся из животной реальности и поднявшемуся над природой. Наш социум сейчас напоминает животное, находящееся во власти инстинктов. Инстинкты тоже вещь полезная, но они слабо скоординированы,

и что главное — это несвобода. Животное не замечает своей несвободы. А вот разумная страна, которая выше инстинктов, — это круто и это свобода. И я попробую решить эту задачу потихоньку, но глобально, как паучок!

— Ты прав, Коль. Инстинкты — это несвобода. А мы живем во власти социальных инстинктов. Но, может, они кому-то выгодны.

— Я разберусь. Я решил стать своей второй сущностью. Политик, как тебе? — необычно жестко спросил Николай.

— Свобода — это какая-то инфекция, ты уже заражен ею, — закашлялась Наташа.

* * *

В Москве Николай предстал перед судом как изменник родины, но его это уже не сильно беспокоило, он собирался использовать знания, полученные в генетике для решения социальных задач, он решил стать политиком. Тем, чья профессия была на втором месте в списке генерального теста. Решением суда Николай был полностью деинтернализован и лишен всех соцрегламентов, которые он выслужил. Его послужной балл стал на уровне юноши, окончившего школу. Теперь даже зеленый халат был в недосягаемости. Наталью приговорили условно, учли ее молодой возраст.

Николая сослали в Норильск на никелевый завод на три года, где он должен был изучать влияние заводских выбросов на человеческие мутации. Он быстро влился в коллектив, где узнал, что он такой не один, кто вышел из-под власти социальных инстинктов. Но как с этим жить дальше, никто не знал. Николай понимал, что снизу система непобедима, но ее можно вскрыть сверху.

Спустя год маме Николая разрешили встретиться с сыном и приехать в Норильск. Наташа увязалась с нею. Они, подлетая на вертолете к заводу, издали залюбовались огромными трубами, дым от которых тянулся на десятки километров. Трубы огромными дымками поднимали знамена, полоскавшие на ветру. Это была впечатляющая картина победы системы человечества над хаосом природы.

Им разрешили встретиться в комнате ожидания заводской проходной. Увидев сына, мама молча посмотрела на него — то ли любящая, то ли боящая, что эта картинка сейчас исчезнет. Наташа в отличие от нее сразу бросилась в бой:

— Уже прошел целый год. Представляешь? Осталось всего два. Мне запретили делать тест на совместимость, а то вдруг я достанусь приличному человеку, — на слове «приличному» губы Натальи по-рыбьи сжались в гримасу.

Николай с удовольствием слушал ее щебетание, от которого он успел отвыкнуть. Он проворно, сдвинув стол, вытянулся, взял запястье мамы в руку, поцеловал Наташу в губы и прошептал:

— Девчонки, я это сделал! Эврика! — и продолжил: — Утопических идей в истории было множество. Но идеи социального переустройства не достигают своей эффективности, потому что все люди разные. И именно эта разность — причина неудач, но она же причина творчества. И очередная попытка систематизировать людей при помощи специализации в детстве убивает творчество. Так в отсутствие разности потенциалов не течет ток. Я открыл то, что идеи взаимодействуют с геномом, меняя его топологию, его рисунок, его форму. И создал вирус, который в точности воспроизводит влияющие идеи. Это влияние взаимное, геном влияет на вирус, и тот эволюционирует. И идея эволюционирует тоже. Идею нельзя навязывать, нужно, чтобы она свободно взаимодействовала с человеком. Изменения в геноме поменяют мировосприятие. Люди, закрытые в системе, начнут открываться, подобно нейронам мозга, и менять свой статус — внутренние станут наружными. Бессознательное социальное превратится в мировой

разум. Идеи одного человека превратятся в мысли социума и будут подстраиваться под каждого, под его запросы и желания. Они станут обобществленными и личными одновременно и будут доводиться до гениальности, и в этом будет участвовать все человечество!

— Сынок, я не понимаю, о чем ты говоришь. Но я уверена, что никогда не желала тебе судьбы винтика. Нет ничего страшнее подобной судьбы. Я, правда, не ожидала от тебя такой силы. Ты меня очень удивил. Я благословляю тебя.

— Мама, если бы я не выбрался на поверхность, ничего бы не изменилось. И я понял, что человек может это легко проделывать. Порождая идеи, он автоматически оказывается на поверхности. А еще я люблю вас обеих! И тебя, Наташа. Как вам моя первая социальная идея? — улыбнулся Николай и продолжил: — Я не знаю, каким завтра проснется этот мир, я знаю, что нас сейчас слушают, и я знаю, что это им не поможет. Вирус запущен, и дороги назад нет. Я использовал для этого заводские выбросы, необходимо около месяца, чтобы вирус распространился по всей земной атмосфере. Я разорвал бензольный круг...